

Я иронизирую, значит, я существую

(Интервью А.Г. Асмолова,
Посвященное 110-летию
со дня рождения П.Я. Гальперина).

Вопрос:

Александр Григорьевич! Вы принадлежите к тому поколению психологов, которым повезло много и близко общаться с нашими учителями - А.Н.Леонтьевым, П.Я.Гальпериним. В этом году мы празднуем юбилей - 110 лет со дня рождения Петра Яковлевича. Как Вам кажется, какие главные заповеди жизни оставил нам Петр Яковлевич, чем он руководствовался в своей жизни и что он стремился передать нам?

А.Г.Асмолов:

Когда думаешь о Петре Яковлевиче, вспоминаешь, что в его общении всегда проступала потрясающая философская культура в широком смысле этого слова. Философская культура не сводилась только к блестящему знанию философов, и особенно тех, кто повлиял на развитие нашей психологической науки. Философская культура проявлялась в осмыслении жизни. Поэтому если играть словами, вспоминая Декарта «я мыслю, значит, я существую», для Гальперина я бы нашел другую формулу. Петр Яковлевич мог бы сказать - *«Я иронизирую, значит, я существую»*. Ирония как способ смехового освещения и освоения нашей реальности, уникальный добрый юмор, иногда, правда, пересекающийся в ситуации раздражения с сатирой, был присущ стилю его общения. И при этом всегда, о чем бы не говорил Петр Яковлевич, он умел ставить вопросы природе. Он уникально умел выходить за рамки ситуации, за рамки ограничений и барьеров. И оставленная им первая заповедь – ироническое доброе восприятие мира.

Вторая заповедь – искусство естествоиспытателя культуры, психики и природы, умеющего ставить самые необычные вопросы. Вот каковы в моем сознании заповеди Петра Яковлевича Гальперина.

Подобное ощущение рождалось у меня во время многочисленных прогулок, когда мы с ним и его супругой Тамарой Израилевной в посёлке писателей на Красной Пахре гуляли, гуляли, гуляли. Это были проселочные беседы, как когда-то назвал эти прогулки, говоря о А.Н. Леонтьеве, П.Я. Гальперине и Г.М.Андреевой, писатель Владимир Федорович Тендряков. Это действительно были беседы, которые давали уникальное мировидение. К Петру Яковлевичу Гальперину полностью относятся слова, которые когда-то Гельмгольц сказал о своем учителе Иоганне Мюллере: «Кто раз пришел в соприкосновение с человеком первоклассным, у того духовный масштаб изменен навсегда, тот пережил самое интересное, что может дать жизнь».

Встреча с великим учителем полностью изменяет масштаб видения мира. Вот и встречи с Алексеем Николаевичем Леонтьевым, встречи с Петром Яковлевичем Гальпериним помогали увидеть мир в другой системе координат, необычной системе координат. *Его понимание порождения психики в ситуации неопределенности – это поразительное открытие*. Мы должны выйти за рамки гомогенного, стационарного мира в изменчивый мир, чтобы возникла надобность, необходимость в появлении психики как функционального органа развития жизни на Земле. Петр Яковлевич, продолжая диалоги, концепцию и стиль мышления Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева, все время возвращался к вопросу о том, в чем заключается необходимость психики, в каких ситуациях она становится необходима. Таким образом, П.Я.Гальперин, нигде это жестко не рефлексировался, развивал, как и А.Н.Леонтьев, *телеологическое понимание мира*. Вопрос, который отно-

сится к вопросам неклассической рациональности: «для чего, ради чего, в чем необходимость порождения феномена» – это уникальный гальперинский прием мышления. Этот прием мышления, приводящий к идеям эволюции в широком смысле слова и пониманию *развития как восхождения к сложности*, ассоциируется в моем сознании с проселочными беседами с Петром Яковлевичем.

И еще один момент – как и Александр Романович Лурия, Петр Яковлевич очень осторожно относился к проблематике мотивации личности. Не случайно в разных вариантах его видения поэтапного порождения умственных действий мотивация иногда фигурирует под рабочим названием "нулевого" этапа. Но для самого Гальперина мотивация никогда не была нулевым этапом. И когда он рассматривает личность как субъекта ответственного поведения, он, тем самым, делает следующее: венчает связь между психологией и этикой. И это невероятно важная вещь. Идеи Петра Яковлевича о связи психологии и этики проступали не столько в его статьях, сколько в его общении, в том числе общении в ходе лекций.

Я приведу лишь один потрясающий пример, где различаются ситуативный и импульсивный уровни поведения и, как бы я сказал сегодня, неадаптивный, преадаптивный и надситуативный уровень проявления поведения личности. Это недооцененный пример с различием военного и гражданского героизма. Петр Яковлевич всегда задавал вопрос: «*Чем военный героизм отличается от гражданского героизма?*». Продолжим эту логику – чем военное мужество отличается от гражданского мужества. И Петр Яковлевич говорил о том, что ситуация, в которой Александр Матросов бросается на амбразуру дзота – это великий подвиг. Есть подвиг Матросова, подвиг Гастелло и другие подвиги, перед которыми мы в буквально смысле замираем из уважения к героям, которые ради других людей пошли на эти беспрецедентные действия, рискуя собственной жизнью. Но этот подвиг резко по смыслу отличается от гражданского героизма. Военный героизм – нормативно социально санкционирован, ободряем. Ты – герой, потому что ты отвечаешь социальным ожиданиям, и твой героизм вписывается в логику социальных ожиданий. И в этом смысле, как не парадоксально, он выступает как феномен, выражающий адаптацию вида. Совершенно другую природу имеет гражданский героизм. Позже, когда я через призму идей Петра Яковлевича, думал об истории нашей культуры, у меня всегда перед сознанием выступал образ Андрея Дмитриевича Сахарова. И когда мы смотрим на таких, как Андрей Дмитриевич Сахаров, то мы четко понимаем – перед нами героизм, когда тебя никто не поддерживает, когда ты обречен как Сократ на остракизм, когда ты осмеливаешься один выйти и сказать: я иду этой дорогой и это мой путь, и я буду на нем стоять. Гражданский героизм – тихий героизм, он - героизм поразительного бесстрашия. И в этом смысле разведение военного и гражданского героизма, которое предлагает Петр Яковлевич, приоткрывает мотивационную основу развития личности в разных социальных ситуациях, прямо вписывая мотивацию личности в культуру.

Тем самым по своим примерам Петр Яковлевич был, есть и будет культурно-историческим психологом. Он всегда вычерпывал примеры из культуры. Он всегда опирался на живую ткань истории. И в этом смысле, когда кто-то говорит, что Петр Яковлевич Гальперин выпадает из культурно-исторической психологии научной школы Л.С.Выготского, у меня это вызывает гальперинскую иронию. Никогда, ни при каких условиях, ни по истории жизни, ни по истории мысли, ни по стилю движения науки он не выпадает из этой школы. *П.Я.Гальперин создал культурно-историческую концепцию порождения психики в нестандартных ситуациях*. И эта концепция во многом является серьезнейшим шагом в пути понимания эволюции психического развития.

Вопрос:

Спасибо. Александр Григорьевич, Вы уже говорил об ограничениях, которые ставил себе Петр Яковлевич, пытаясь дать объяснения психологически механизмам развития. А не могли бы представить свою точку зрения, какова сегодня судьба концепции П.Я.Гальперина, в чем Вы видите точки ее роста?

А.Г.Асмолов:

Продолжая логику работ А.Н.Леонтьева, Д.Б.Эльконина, П.Я. Гальперина я делаю акцент на системно-деятельностном подходе как варианте современного культурно-деятельностного осмысления реальности. В этом контексте мы выделяем несколько планов анализа – мотивационно-смысловой план анализа как методология понимания явления; целевой план анализа как план нашего эвристического инструмента при работе с разной реальностью; операционально-технологический план и ресурсный планы анализа при работе с реальностью. Сделанное Петром Яковлевичем, прежде всего помогает дальнейшим разработкам операционально-технологического аспекта системно-деятельностного подхода к проектированию образования как социокультурной практике развития и личности, и общества. И, когда мы прикасаемся к его идеям, они, в отличие от многих достаточно общих идей культурно-деятельностной школы невероятно операционалистичны.

Петр Яковлевич выступает как гениальный коммуникатор и его идеи приобретают особое значение, когда мы общаемся с педагогами. Дело заключается в том, что и логика операционально-технологического анализа оказывается куда более понятна для педагогов, чем связанные с ним, но живущие в несколько ином слое мышления, общие представления культурно-деятельностного подхода. И в этом смысле я бы сказал, что *концепция П.Я. Гальперина является практическим интеллектом современного образования*. Практический интеллект нужен каждому учителю, каждому воспитателю. И то, что делает Гальперин, вооружая и давая в руки арсенал мыслительных орудий, который можно в буквальном смысле прочувствовать, пощупать, увидеть его результаты на практике, - это бесценно. Иными словами в широком смысле практический интеллект образования, предложенный П.Я.Гальпериным, благодаря своему подходу –это блистательная операционализация идей всей школы Л.С. Выготского. И в этом направлении я вижу дальнейшее развитие идей П.Я.Гальперина. Не случайно когда мы вводили стандарты образования для школ в России в общении со многими дидактами, они лучше понимали нас, как только мы с определенного видения работ А.Н.Леонтьева и даже Д.Б.Эльконина помогали им увидеть, как это операционально воплощается в предметных областях знания благодаря работам Петра Яковлевича Гальперина, его психолого-педагогической системе поэтапного порождения умственных действий и понятий.

Интервью брала
профессор О.А. Карбанова